

В окружении злобы, хлынувшей со всех сторон, под аккомпанемент невнятного, шумного бормотания Бай Циюй медленно опустился на колени.

— Тот маленький, он уже созрел? Маленький, еще не созрел?

— Скоро, скоро, уже скоро...

— Он тоже ароматный, такой ароматный! И правда, какой же он ароматный!

Бай Циюй не понимал, почему бабушка заставила его признать статую своим отцом и почему он должен стоять здесь на коленях. Ему отчаянно хотелось поднять голову и взглянуть на «Божество горы», покровителя деревни Долголетия, чтобы увидеть, как оно выглядит на самом деле. Ему хотелось закричать, броситься прочь, не оглядываясь, выкрикнуть «нет» — и тогда всё это прекратилось бы.

Но... бабушка тоже стояла на коленях.

Старуха сложила свои израненные, покрытые морщинами от тяжелой жизни руки и с такой искренней верой прошептала:

— Дедушка Кунду, дедушка Кунду, примите этого ребенка. Отныне он будет вашим сыном...

Свеча погасла.

— Он будет вечно благодарен вам и станет преданно поклоняться... Умоляю, даруйте ему мир и радость, пусть жизнь его будет гладкой, а сам он проживет до ста лет...

Ароматическая палочка тоже погасла.

Огромная, похожая на опухоль голова божества Кунду едва заметно вздрогнула, издав сухой треск, словно лопнул фарфор. В храме, где было сыро, холодно и на несколько градусов прохладнее, чем снаружи, разлился сладковато-приторный аромат, какого здесь никогда прежде не было. В одно мгновение он перебил застоявшийся запах плесени.

На вершине горы посреди жаркого лета плоды, казалось, вот-вот сорвутся, созревая на глазах.

— Проживет до ста лет...

— Жизнь.

— Сто лет.

После тех летних каникул Бай Циюй сменил имя, переехал и научился говорить вслух. Его голос перестал быть хриплым, пугающим, словно у призрака. Когда он оставался один, он

больше не бормотал те жуткие, невыразимые слова. Все родственники улыбались и говорили, что он стал нормальным человеком. Немой Бай Циюй умер — умер в то невыносимо знойное лето в горах.

...Так существует ли Бамола Кунду на самом деле?

Бай Циюй в полузабытьи подумал: если это божество с таким странным, похожим на индийское именем действительно существует, почему всё дошло до такого состояния?

Прямо перед ним «бабушка», которую он крепко прижимал к себе, продолжала срывающимся от боли голосом кричать:

— Беги, Цици... уходи отсюда, иначе ты погибнешь...

— Бабушка...

— Не бойся, бабушка всегда тебя защищала, бабушка пришла забрать тебя... Уйдем отсюда, домой!

Сердце Бай Циюя сжалось от невыносимой боли. Были моменты, когда ему хотелось наплевать на всё, встать и уйти вслед за бабушкой, покинуть этот абсурдный ад. Но он не мог. Потому что эта бабушка — фальшивка.

Он оттолкнул её и, всхлипывая, по слогам произнес:

— Ты не моя бабушка. Моя бабушка называет меня Цзяоцзяо. Я ведь... только перед бабушкой становлюсь таким неженкой...

Теплый момент, словно кадр, на котором нажали кнопку паузы, а затем перемотали вперед: добрая, ласковая деревенская старушка на глазах исказилась, превратившись в отвратительно красивое лицо.

Чжан Ихэ бесстрастно произнес:

— Передо мной ты тоже можешь быть таким...

— Убирайся... — Бай Циюй рыдал, не в силах вымолвить ни слова. — Убирайся прочь!

Иллюзия разбилась.

Оцепенение, похожее на помехи на старом телевизоре, рассеялось, и к Бай Циюю вернулось ощущение боли во всем теле. За пределами главного зала на открытой площадке не утихали странные, тревожные звуки барабанов и колокольчиков. Нечеловеческий, безумный вой Бабушки Ло эхом разносился в ночном небе, подавляя всё вокруг, не давая скрыться ни одной тени.

В соломенное чучело уже вонзили шесть ритуальных гвоздей. В человекоподобную фигуру, связанную из грубой пеньковой веревки, были глубоко забиты гвозди длиной с предплечье: в голову, горло, обе руки, живот и левую ногу. Невероятно, но из этого существа, сделанного из веревок и вешалок, изнутри сочилась черная, зловонная кровь. Она просачивалась сквозь каждую щель, через отверстия от гвоздей, капала на грубую веревочную кожу, а затем — на землю. Там она испарялась и исчезала, словно вода, попавшая на раскаленную плиту.

Бабушка Ло взывала, обращаясь к небу, сделала глоток крови черного петуха и брызнула ею на седьмой гвоздь. Её руки дрожали, она танцевала в странном ритме, а молоток в её руках издавал резкие щелчки. Вдруг она с яростью швырнула чучело в костер, и пламя взметнулось вверх.

Седьмой гвоздь вошел в цель.

Огонь мгновенно вырос выше человеческого роста, золотисто-красное сияние искажалось и расширялось, словно внутри него что-то невидимое боролось и извивалось. Бабушка Ло, истошно крича, схватила курительную башню, сделала глубокую затяжку, и та мгновенно превратилась в пепел. Она выглядела довольной и умиротворенной, на этой волне она снова брызнула кровью петуха в огонь —

— Ух!

Пламя разделилось, словно его разорвали, и потянуло тошнотворным запахом гари.

— Нет! — Цинь Гуаньхэ внезапно затрясся, словно в припадке эпилепсии. Он пытался сохранить сознание, но не мог, из его горла вырывались непонятные, дикие звуки. — Прости, прости, нет, нет, а-а-а, прости!!!

Этот крик сбил ритм барабанов и песнопений, и пламя вспыхнуло с новой силой! Увидев это, один из дима, стоявших вокруг, бросился вперед, вырвал из рук Цинь Гуаньхэ барабан и плетень и с мощным напором продолжил бить в них, вплетаясь в тонкий, напряженный звон колокольчиков. Трое других оттащили бьющегося в конвульсиях Цинь Гуаньхэ, у которого изо рта шла кровь.

Затем вошел восьмой гвоздь.

Ли Таогэ тоже больше не могла держаться. Девушка, обычно такая статная и красивая, теперь кричала, словно дикий зверь, и обеими руками вцепилась себе в горло, едва не задыхаясь. Другая дима, с лицом, разрисованным красками, выхватила у неё колокольчик и сосуд с водой, заменив её.

Один, второй... Дима, сохранивших сознание, становилось всё меньше, а щелчки молотка Бабушки Ло звучали всё яростнее.

Двенадцатый гвоздь...

Курительные башни закончились, и госпожа Хань с Пэй Шичжуном в спешке притащили ещё две тележки. Бабушка Ло, окутанная дымом и первобытным ревом, казалась парящей в небесах.

Бай Циюй подумал, что, возможно, умирает. Каждая клеточка его тела болела. Ему казалось, что его разрезали на куски «мяса», аккуратно сложили и выложили на разделочную доску. Сосуды лопнули, внутренности выпотрошили и выбросили, воздух пронизывал его тело, полное дыр, всё гнило, сочилось гноем и разлагалось. Даже дышать стало трудно — каждый вдох был подобен пытке.

Безумный вой Бабушки Ло и треск костра постепенно отдалялись, становясь похожими на звуки из другого мира, доносящиеся сквозь матовое стекло. В ушах становилось всё тише. Он обессиленно закрыл глаза.

Четыре темные, величественные фигуры, стоявшие к нему спиной, исчезли. Свечи в комнате дрогнули.

А затем Бай Циюй услышал вой сирены.

Он прорезал ночную тишину, звуки автомобильных гудков и полицейских сирен смешались в какофонию, абсурдно и резко эхом отдаваясь над священным местом ритуала. Вскоре послышались быстрые, тяжелые шаги — десятки людей ворвались через ворота на открытую площадку.

— Всем стоять!

— Руки за голову, на землю!

— Там человек с оружием, осторожно!

— Вы задержаны за незаконное собрание и проведение суеверных обрядов!

Всё мгновенно погрузилось в хаос. Барабаны смолкли, звон колокольчиков затих, повсюду слышался тревожный шепот... Ритуальные песнопения Бабушки Ло оборвались — церемония была насильственно прервана!

Затем послышались звуки борьбы и шум раций. Дима-мужчин скрутили, женщины плакали, всхлипывая. Госпожа Хань в панике кричала, что всё не так, Ли Таогэ в ужасе твердила, что Бабушка Ло слишком стара, чтобы с ней так обращаться.

Дверь главного зала выбили ногой. Полицейский, возглавлявший отряд, с изумлением увидел в центре комнаты четверых людей, стоявших спиной к Бай Циюю с приклеенными бумажками «четырёх столпов», и самого Бай Цюя, покрытого землей с Горы Тайшань, который выглядел

так, будто испытывает невыносимые муки. Он бросился к нему:

— Парень, ты в порядке?

После череды событий Бай Циюй пришел в себя и ошеломленно посмотрел на людей, которые здесь казались совершенно чужеродными:

— Полиция?

— Не бойся, — полицейский взял рацию и быстро произнес: — Обнаружен пострадавший, квалифицируем как деятельность секты... Да, пострадавший спасен.

Он снял куртку и накинул на плечи Бай Циюя:

— Не бойся, ты в безопасности.

— Постойте... — в голове Бай Циюя был полный хаос. — Какая безопасность? Нет, почему вы, полиция, здесь оказались?

— Твой друг по фамилии Ли сообщил нам, — терпеливо ответил полицейский. — Сказал, что тебя удерживают силой, заставляя участвовать в суеверных обрядах. Не бойся, господин Ли подал заявление в безопасной зоне Циндао, можешь не волноваться. Полиция Циндао уже передала дело в отделение Цзиндэ.

— Ли? Вы имеете в виду Таогэ? — Бай Циюй не мог поверить. — Невозможно, он не мог донести!

Но тут он вспомнил, как Ли Таогэ сопротивлялся тому, что происходило в его семье с Чумасянь, и подумал, что это вполне возможно.

— В любом случае, мы подозреваем, что это секта, и ведем расследование, — полицейский решил, что парень боится мести. — Не волнуйся, пока дело не закрыто, мы обеспечим тебе защиту. Пойдем, я провожу тебя в безопасную зону.

— Секта? — сердце Бай Циюя упало. Он бросился к выходу и увидел, что костер и свечи погасли.

Площадка снова погрузилась в мрачную тьму, а ритуальные подношения, скот и бумажные деньги были свалены в кучу. Десятки дима были задержаны, кто-то сидел на земле, кто-то лежал под присмотром полиции. В воздухе висел лишь едкий запах пепла.

Нет... этого не может быть, правда?

Бай Циюй обессиленно рухнул на землю, чувствуя безграничный абсурд и гнев. А ещё — страх, который стремительно нарастал, достигая предела. Бабушка Ло говорила, что ритуал нельзя прерывать; она говорила, что если упустить сегодняшний день, придется ждать несколько месяцев.

Но теперь всё разрушено. Всё. Его пари проиграно, его заберут... монстр будет надругаться над ним... нет, нет!!!

При мысли о том, что его ждет, и о том, что он мог погубить Бабушку Ло и остальных, Бай Циюй пришел в ярость:

— Какие суеверия? На меня нацепилась нечисть, Бабушка Ло помогала мне!

Он в ярости оттолкнул полицейского и, не оглядываясь, бросился прочь, застав того врасплох.

— Парень, о какой нечисти ты говоришь? Это всё суеверия, никакой научной основы! Тебе промыли мозги, это обычная тактика сект!

— Но вы не можете хватать людей, не разобравшись! В чем они виноваты?

Полицейский, видя, что разговоры не помогают, попытался схватить его, но Бай Циюй, словно обезумев, повалил его на землю. В глазах полицейского отразилось искаженное лицо Бай Циюя — бледное, с выражением звериной ярости, он рычал и кричал...

Полицейский рывкнул:

— Ты нападаешь на представителя власти! Приди в себя, ты пострадавший, я не буду тебя арестовывать, но если ты продолжишь сопротивляться, мне придется применить силу!

— Ты погубил меня! — закричал Бай Циюй. — Ты убьешь меня, понимаешь? Какое к черту сотрудничество!

Видя, что договориться невозможно, полицейский перевернулся и прижал Бай Циюя к земле. Бай Циюй был без одежды, он глухо застонал от боли, ударившись о пол, но, казалось, ничего не чувствовал — он отчаянно вырывался и продолжал выкрикивать проклятия. Но полицейский был слишком силен, он держал запястья Бай Циюя, как в тисках, не давая ему пошевелиться.

Он прижал его к полу, а увидев, что причинил боль, стиснул зубы, подложил под него свою куртку и снова зафиксировал руки.

— Парень, — его голос смягчился, — ты сейчас не в себе. Пойдем со мной, я свяжусь с твоей семьей, успокоишься — и поговорим...

Этот полицейский был на самом деле красив: волевое лицо, взгляд, полный праведности. Если бы они встретились в другое время, Бай Циюй был бы с ним вежлив, может, даже попросил бы о помощи. Но сейчас Бай Циюй поклялся, что никогда ещё не хотел никого «убить» так сильно. Он всё разрушил, всё разрушил!!!

— Я в себе! Я всё понимаю! А-а-а — ты погубил меня, я умру, я правда умру...

— Парень...

За дверью двое полицейских уводили Бабушку Ло, Ли Таогэ и Цинь Гуаньхэ тоже вели под конвоем. Встретившись взглядом с отчаянными глазами Бай Циюя, они отвели глаза.

— Нет... — Бай Циюй заливался слезами, не в силах говорить. — Простите, это не их вина, это всё я... не забирайте их...

Полицейский, видя его горе, невольно ослабил хватку:

— Да что с тобой такое, черт возьми? Ты понимаешь, что если бы я не пришел, ты был бы в огромной опасности? Я народный полицейский, как я могу тебе навредить? Все эти Чумасянь — мошенники, ты разве не слышал экспертов? Одержимость — это шизофрения, ты ищешь помощи у психически больных, а в итоге останешься ни с чем!

— Не надо...

— Ладно, не будем об этом, — полицейский знал, что спорить сейчас бесполезно, и сменил тему. — Пойдем со мной, я за свой счет угощу тебя ужином, хочешь? Мясо на гриле, хого, что угодно, только приди в себя!

Бай Циюй выдохся. Он лежал, какдохлая рыба, уставившись расфокусированным взглядом в потолок. За мансардным окном не было видно ни единой звезды.

— Парень?

Бай Циюй закрыл глаза:

— Оставь меня в покое.

— Пойдем со мной...

Бай Циюй открыл глаза, его голос звучал надломленно:

— Ты ничего не понимаешь. Я...

Вдруг его взгляд упал на грудь полицейского. Номера не было. Постойте... Из-за боли мозг работал на пределе: разве у полицейских при исполнении нет нагрудных знаков? Он вспомнил, как в самом начале, когда его обманули, у тех двоих тоже не было знаков. Только имена. Позже он искал в интернете и узнал, что у полицейских должен быть код, а не имя.

Бай Циюй вдруг почувствовал, что это смешно. Когда он понял, что всё вокруг — иллюзия, страх и отчаяние отступили. Он глубоко вздохнул и посмотрел в красивое лицо полицейского:

— Чжан Ихэ, убирайся.

— О чем ты?

— Я сказал: ты, Чжан Ихэ, убирайся!

Праведное лицо полицейского на мгновение исказилось, словно треснувший лед, и пересобралось... превратившись в идеальное, дьявольское лицо Чжан Ихэ. Он бесстрастно произнес:

— Я делаю всё это, чтобы помочь тебе. Я знаю, что сейчас ты не понимаешь, но потом ты пожалеешь.

— Пожалей? — Бай Циюй усмехнулся. — Знаешь, о чем я жалею сейчас? На втором месте — о том, что приехал в Цзиндэ и поселился в том доме. А на первом — о том, что при первой же встрече с тобой не убил тебя на месте!

Чжан Ихэ исчез. Перед исчезновением на его лице почему-то отразилась глубокая печаль. Бай Циюй тут же возненавидел себя: эта тварь даже не человек, откуда у него такие сложные негативные эмоции?

...Иллюзия снова разбилась.

Боль во всем теле и успокаивающий хриплый шум ритуальных песнопений вернулись. Бай Циюй медленно выдохнул.

Было забито уже девятнадцать гвоздей. В тот день Мастер Цзинцзун сказал: если до рассвета забить сорок девять гвоздей и выбить «недолжную» ци, Бай Циюй сможет разорвать связь с «нечистотой» и вновь стать чистым. Но при условии, что ни одна частица его существа больше не коснется «нечистого» места. Даже в прошлом.

Видя, как растет боевой дух Бабушки Ло, госпожа Хань, дежурившая в коридоре, немного расслабилась. Затем она с тревогой посмотрела на Пэй Шичжуна, который не отрывал глаз от телефона, покрываясь холодным потом.

— Ещё не связался?

Пэй Шичжун стиснул зубы:

— Нет. Сестра, мы...

— Подождем ещё.

— Но по плану он уже должен был выйти, не может же у него всё ещё не быть связи...

Госпожа Хань с мрачным видом перебила его:

— У Бабушки всё идет неплохо, если не получится... Нет, не может не получиться.

— Что случилось?

Раздался тонкий детский голос. Оба вздрогнули и обернулись — из глубины коридора медленно шла маленькая девочка. Она была пугающе худой, кожа да кости, широкая куртка висела на ней мешком, а живот был обмотан странной тканью из соломы. Лицо её было бледным, словно она страдала от тяжелой болезни, и вызывало жалость, но глаза светились необычайным блеском. Больше всего пугало выражение её лица — мрачное, не по годам взрослое; никто не принял бы её за обычного ребенка.

Госпожа Хань склонила голову:

— Бессмертная Бай. Ваше здоровье...

— Сейчас не время об этом, — прервала её Сяо Юньэр. — Вы сражаетесь с «Ним»?

— Да.

Сяо Юньэр посмотрела на Бабушку Ло, яростно сражающуюся на площадке, и её лицо стало сложным. Увидев в искаженном свете огня трех жертвенных животных, соломенное чучело, туши быка, барана и свиньи, утыканные ножами, и невероятно высокие, яростно горящие свечи, она глубоко вздохнула.

— Почерк Мастера Цзинцзуна.

— Да.

— Мастер Цзинцзун лично взялся за дело... — пробормотала Сяо Юньэр. — Надеюсь, результат будет хорошим?

Пэй Шичжун не выдержал:

— Мастер Цзинцзун — покровитель Цзиндэ, как может не получиться!

Он не договорил, но все присутствующие поняли, что он имел в виду — если даже Мастер Цзинцзун не сможет подавить это, то... Пэй Шичжун вздрогнул и поспешно отогнал эту мысль.

Сяо Юньэр пристально смотрела на Бабушку Ло, чьи рукава развевались на ветру, и спустя долгое время тихо сказала:

— Принесите и мне длинное копье.

Госпожа Хань замерла:

— Вы... но...

На детском лице Сяо Юньэр появилась едва заметная улыбка. Это была её первая улыбка после пробуждения:

— На таком поле боя у меня нет причин оставаться в стороне. Этот мальчик мне дорог, и я в

долгу перед ним, это единственное, что я могу сделать...

Госпожа Хань с тяжелым сердцем кивнула, и вскоре принесли два острых копья. Сяо Юньэр быстро что-то подсчитала:

— В следующий час я присоединюсь. Скажите об этом двум божествам.

— Слушаюсь.

Тем временем Бабушка Ло начала новую «битву». Она размахивала двумя алебардами, сражаясь быстро и яростно, словно против невидимого врага. Выпады, вращения, резкие металлические звуки. Над алебардами бурно колыхались белые занавеси, словно «невидимый враг» задевал их, выдавая свое присутствие.

Бабушка Ло вдруг издала возбужденный, дрожащий крик: «А-а-а!», с рыком развернулась и метнула обе алебарды — они, словно сорвавшиеся с цепи кони, вонзились в тушу быка в пяти метрах! В месте удара, где уже было полно оружия, брызнула черная кровь. Хотя все знали, что этих животных обескровили на бойне ещё до ритуала.

Глаза Сяо Юньэр ярко вспыхнули:

— Достойно Мастера Цзинцзуна!

Она быстро сложила печати, что-то шепча, а затем громко рассмеялась:

— Добрый знак! Всё идет гладко, как по маслу!

Услышав это, госпожа Хань и Пэй Шичжун, чьи сердца были на пределе, выдохнули и впервые за день улыбнулись:

— Дай бог, дай бог!

Сяо Юньэр продолжала быстро считать, слегка нахмурилась, а потом расслабилась:

— Есть небольшая беда, но... после мрака наступит рассвет.

Она вдруг встрепелась:

— Что вы говорили только что?

Они переглянулись и быстро рассказали Сяо Юньэр всё как есть. Лицо Сяо Юньэр мгновенно помрачнело:

— Что?! Этот мальчишка оставил кое-что в... Черт возьми, почему нельзя было сделать всё заранее?!

— Времени было мало, — горько усмехнулась госпожа Хань. — Сегодня редкий благоприятный день, если упустить его, следующий будет только через три месяца...

— Три месяца... он не дождется.

Пэй Шичжун не отрывал глаз от телефона. В раскаленном от огня дворе было невыносимо жарко, но он покрывался холодным потом, который капал на руки, но он не обращал на это внимания. Вдруг он радостно подпрыгнул:

— Пришло! Сообщение! Быстрее!

Все трое с надеждой склонились над экраном:

Ли Таогэ:

Я добрался до зоны связи, но, возможно, из-за того, что я слишком глубоко под землей, сигнал очень слабый, позвонить не могу. Как и планировалось, я миновал «загрязненную пищу», «зону без связи», «знак радиации»; по пути не встретил ни «диких людей», о которых говорил Сяо Бай, никого вообще, успешно добрался до «бомбоубежища». Проверка воздуха показала безопасность, я вхожу внутрь. Процедура запуска слишком сложная, может занять немало времени, но я не сдамся. Если Сяо Бай ещё в сознании, передайте ему, что со мной всё хорошо, не волнуйтесь. Ждите меня...

— Пойдите, — губы Пэй Шичжуна задрожали. — О чем он говорит?

Госпожа Хань тоже выглядела ошеломленной, она несколько раз открывала рот, но не могла произнести ни слова. Их реакция была настолько странной, что Сяо Юньэр недоуменно спросила:

— О чем вы беспокоитесь? Он же сообщил, что с ним всё в порядке.

— Но... но наш план был не таким.

Зубы Пэй Шичжуна застучали, его лицо, обычно довольно приятное, исказилось в гримасе, похожей на плач, выражая крайний ужас.

— Телефон Бай Циюя был брошен у выхода из канализации, нужно было просто пройти через лесную полосу со слабым сигналом, не нужно было входить в систему канализации, не говоря уже о бомбоубежище... Он... почему он туда вошел? Это место... туда ни в коем случае, ни в коем случае нельзя входить... Кто знает, что выйдет оттуда после того, как он войдет...